

ВОЙНА

Цѣна отд. № 15 коп.

III-й ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

НОВЫЙ

САТИРИКОН

№ 18

ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1915

30 АПРѢЛЯ.

Рис. Ре-ми.

ГАДАНЬЕ НА ПЕРЬЯХЪ.

Германскія газеты ведутъ сейчасъ ожесточенные споры на тему: кого Германия должна больше не любить — Россію или Англию?

Россія (Англи): — А ну, кумъ, давай погадаемъ на этой птичкѣ: кого изъ насъ она больше любитъ — не любитъ...

ИТАЛЬЯНСКОЕ САЛЬТОМОРТАЛЕ.

Бюловъ: — Ффу! Наконецъ-то я, кажется, нащупалъ почву для соглашения!..

БРЕШЬ.

Не бездарный,
Поэтичный,
Гибкотѣлый, какъ минога,
Легендарный,
Экзотичный
И мистическій немного —
Многоликий
И бывалый,
На бумагѣ очень смѣлый,
Не великій
И не малый,
Но достаточно умѣлый, —
Расточительно настроивъ
Крѣпостей изъ картонажа,
Создалъ множество героевъ
Въ паутинѣ шпионажа:
Многоликихъ
И бывалыхъ,
На бумагѣ очень смѣлыхъ,
Не великихъ
И не малыхъ,
Но достаточно умѣлыхъ,

Не бездарныхъ,
Поэтичныхъ,
Гибкотѣлыхъ, какъ минога,
Легендарныхъ,
Экзотичныхъ
И мистическихъ немного.
Тутъ и графы, и графини,
Какъ клопы въ большой перинѣ,
Маргаринъ на парафинѣ,
Парафинъ на маргаринѣ!
Всѣ шпионы, всѣ мерзавцы,
Эти рыцари успѣха...
Но какіе всѣ красавицы!
Закачаешься отъ смѣха!
Дочь красавица-плутовка
У красавца у магната...
И красавица-винтовка,
И красавица-граната!
О, синьоры, лэди, дамы,
Сколько выпущено пара
Для красавицы-рекламы
И красавца-гонорара!
Я — серьезно! Вѣдь насмѣшка
Далека моей натурѣ:
Натурально, этотъ Брешко
Брешь пробилъ въ литературѣ!

Владиміръ Воиновъ.

РУССКІЯ ЗВѢРСТВА.

Фельетонъ Тэффи.

Я не только видѣла ихъ, эти русскія звѣрства, но даже сама принимала въ нихъ дѣятельное участіе.
И вотъ моя исповѣдь.

Было уже часовъ пять пополудни.
Только что разгрузили санитарный поѣздъ, осмотрѣли раненыхъ, перевязывали ихъ, рассортировали — кого куда эвакуировать.

Наконецъ, выбралась свободная минутка, и можно было забѣжать въ дежурную комнату выпить чаю.

Заглянулъ туда и старшій офицеръ пункта, изможденный, блѣдный, съ рѣзкими черными кругами вокругъ лихорадочно-горящихъ глазъ. Онъ уже много недѣль спалъ по четыре часа въ сутки, но и въ эти четыре часа сна продолжалъ волноваться и бормоталъ о какихъ-то носилкахъ, о брезентѣ, о запоздавшемъ поѣздѣ.

Ему и теперь было некогда, и онъ, не присаживаясь, взялъ стаканъ чаю.

— Плѣнный тамъ офицеръ, нѣмецкій, — рассказывалъ онъ, дуя и обжигаясь. — Препротивный!

— А что?

— Да такъ. Весь противный. Рожа нахальная. Спрашиваемъ у него, какъ онъ попалъ въ плѣнъ, а онъ говоритъ: «Когда ваши насъ окружили, мои храбрые солдаты, конечно, всѣ удрали и оставили меня одного. Со мной былъ только револьверъ и портсигаръ. Я бросилъ револьверъ и закурилъ папиросу».

— Циничный молодой человѣкъ, — замѣтилъ кто-то изъ насъ.

— И если бы вы слышали, какимъ онъ наглымъ тономъ все это рассказываетъ! Точно издѣвается надъ нами же.

— Гадина! Что онъ тамъ дѣлаетъ?

— Стоить. Носъ задралъ.

— А всѣ кругомъ, конечно, пардонъ да мерси. Небось, они съ нашими офицерами не такъ жантильничаютъ. Рассказываютъ, что они, когда ведутъ нашихъ плѣнныхъ по дороге, такъ всегда солдаты тащатъ забранные пулеметы, а чуть приходится проходить черезъ городъ или деревню, сейчасъ все навьючиваютъ на офицеровъ. Измываются, подлые.

— А знаете — что, — сказала я. — По-моему, вы должны были показать этому офицеру, что онъ свинья. Я бы, на вашемъ мѣстѣ, непременно сказала: «Какъ, у васъ былъ револьверъ? Быть не можетъ! Вы шутите. Почему же вы не застрѣлились, разъ у васъ былъ револьверъ?» Вотъ бы онъ и лопнулъ со злости.

— Такъ пойдите, скажите ему сами.

— Да мнѣ неудобно. Я — сестра милосердія, мое дѣло — перевязка.

— Нѣтъ, отчего же, вполне можете поговорить.

— Мнѣ некогда. Я... чайпью. А то бы непременно сказала.

Старший офицеръ вышелъ.
 — Интересно, скажетъ онъ или нѣтъ?
 Онъ вернулся скоро.
 — Ну, что, сказали?
 — Сказаль... То-есть, вы про что? Нѣтъ, я сказала нашему полковнику, чтобъ тотъ ему сѣсть разрѣшилъ.
 — Эхъ вы! Славянская размазня. Они на нашихъ офицеровъ амуницію грузятъ, а вы съ нимъ нѣжничаете.
 — Ну, извините. Вовсе не нѣжничая. Я нарочно подошелъ къ нему и сказалъ: «Русскій полковникъ разрѣшилъ вамъ сѣсть». Понимаете? Подчеркнулъ «русскій»
 — Ну, что же онъ?
 — Сказаль «данке» и сѣлъ.
 — Ужасно, подумаешь, важно, что вы «подчеркнули — русскій». Вѣдь не французскій же, въ самомъ дѣлѣ. Само собою разумѣется, что русскій.
 — Ну, все-таки, навѣрное, ему неприятно.
 Старшаго офицера опять вызвали. Ушелъ, вернулся.
 — Ну, что вашъ нѣмецъ?
 — Разсѣлся. Морда нахальная.
 — А вы бы ему сказали насчетъ револьвера, что, молъ, не представляете себѣ, какъ это онъ такъ живымъ сдался, когда могъ застрѣлиться.
 — Ну, это что! Я ему почище сказала.
 — Ага! Небось, и въ васъ проснулся звѣрь.
 — Да я и не скрываю. Во мнѣ очень много чисто животной ненависти къ этимъ варварамъ.
 — Ну, рассказывайте скорѣе, что вы ему сказали.
 — А я, понимаете, попросилъ полковника, чтобы тотъ разрѣшилъ ему закурить. Потомъ подошелъ къ нему въ упоръ и самымъ наглымъ тономъ говорю: «Нашъ русскій полковникъ разрѣшаетъ вамъ закурить». Понимаете? Подчеркнулъ: «ррусскій».
 — Ну, что же онъ?
 — Сказаль «данке» и закурить.
 — Гм...
 — Чего вы улыбаетесь? Навѣрное, въ душѣ ему было не особенно пріятно.
 Мы помолчали, подумали.
 — А все-таки, ужасно у него противная морда, — заговорилъ снова старший офицеръ.
 — Отвратительная! — подтвердилъ подошедшій къ намъ его помощникъ. — Именно такая физіономія, которая самой судьбой предназначена для хорошей плюхи.
 Помолчалъ и прибавилъ равнодушнымъ тономъ, будто вскользь:
 — Я тамъ распорядился, чтобы ему дали обѣдать.
 — Ну, знаете, это вы напрасно, — замѣтилъ старшій. — Наши еще не всѣ накормлены, могъ бы и обождать.
 Онъ нахмурилъ брови и вышелъ.
 — Куда это онъ пошелъ?
 — Да вѣрно опять надъ нѣмцемъ куражиться.
 — Ужъ очень этотъ нѣмецъ противный.
 — Да, если вспомнишь, какъ они съ нашими офицерами обращаются...
 — А все-таки, по человѣчеству, какъ-то жалко...
 — Вѣчно вы съ вашимъ человѣчествомъ! Сидитъ нахаль, развалился, курить, обѣдать ему дали. Все вамъ мало.
 — Нельзя такъ разсуждать. Можетъ быть, въ душѣ-то у него... Озвѣрѣли вы здѣсь всѣ.
 Вернулся старшій офицеръ.
 — Представьте себѣ, слопаль весь обѣдъ и еще попросилъ!
 — Вотъ нахаль! Ну, вы, конечно...
 — Что же вы ему на это?..
 Старшій офицеръ молчалъ. Его очень интересовало какое-то пятнышко на клеенкѣ, покрывающей столъ.
 — Ну, что же, сказали вы ему, что онъ нахаль и обжора?
 — Да... въ общемъ... онъ, конечно, понялъ мое отношеніе къ нему. Я приказаль дать ему еще полную порцію, потомъ, вотъ такъ, демонстративно, повернулся спиной и вышелъ.
 — Ну, а онъ что же?
 — Сказаль «данке». Теперь сидитъ, лопаешь.
 Пришелъ одинъ изъ врачей.
 — А знаете, — сказалъ онъ, — вашъ нѣмецъ-то совсѣмъ расхорохорился. Требуется, чтобы ему дали отдѣльное помѣщеніе, что для него унижительно быть вмѣстѣ съ плѣнными солдатами. Я доложилъ полковнику.
 — Ну, что же, полковникъ турнулъ его хорошенько?
 — Да, полковникъ страшно ругался. Этого нахала, говорить, слѣдовало бы хорошенько проучить. Хочетъ съ вами

посовѣтоваться: можно ли его, пока что, куда-нибудь помѣстить?

— Какъ? Куда помѣстить?
 — Ну, да отдѣльно, разъ онъ не хочетъ съ солдатами. Мы всѣ переглянулись.
 — Это прямо возмутительно! — сказалъ старшій офицеръ.
 — Меня самого возмущаетъ! — добродушно отвѣтилъ врачъ. — Такой противный субъектъ попался, а мы тутъ передъ нимъ на заднихъ лапкахъ.
 — Покажите мнѣ его! — вскочила я съ мѣста. — Не бойтесь, я ему ничего не сдѣлаю. Я только хочу сказать, что я не вѣрю его разсказу, не вѣрю, что онъ сдался въ плѣнъ, когда у него былъ револьверъ. Только и всего. Я имѣю на это право. Они мучатъ нашихъ плѣнныхъ... они...
 — Бросьте! Перестаньте! — неслось мнѣ вслѣдъ.
 Но я уже озвѣрѣла и шла за докторомъ.
 — Вотъ онъ.
 «Онъ» сидѣлъ въ сторонкѣ. Ростъ у него былъ маленькій, лицо потное, распаренное, самодовольное.
 Онъ презрительно смѣрилъ насъ выпученными, посоловѣлыми глазками и, пододвинувъ къ себѣ поданную солдатомъ миску щей, сталъ сосредоточенно хлебать.
 — Это второй обѣдъ? — спросила я шопотомъ, чтобы онъ не услышалъ и не обидѣлся.
 — Нѣтъ, третій, — также шопотомъ отвѣтилъ врачъ. — Онъ, видите ли, еще попросилъ, такъ я распорядился.
 — Докторъ! — воскликнула я. — Вы позволили дать ему сразу три большія миски щей?
 — Да, пусть себѣ, у насъ много... — смущенно отвѣчалъ врачъ.
 — Не притворяйтесь, пожалуйста, что вы не понимаете меня! — возмущалась я. — Человѣку, который отоцаль, который, можетъ быть, нѣсколько дней ничего не ѣлъ, вы позволяете сразу дать три миски щей! И это вы, врачъ! Вамъ все равно, что онъ обѣдѣтся и захвораетъ! Звѣри вы всѣ, а не люди.

Онъ молча опустилъ голову.
 Нѣмецъ покосился на насъ съ неудовольствіемъ. Мы ему, очевидно, мѣшали обѣдать. Мы поняли это, застѣнчиво улынулись и на цыпочкахъ вышли изъ комнаты.

Тэффи.

ГВОЗДЬ.

Какъ-то, гдѣ-то снобъ безликій фототипію Дегаза
 Насадилъ на острый гвоздь.
 Чуть касаясь складокъ газа зачарованныхъ Мимозъ,
 Онъ торчалъ, какъ странный гость, какъ жестокая проказа,
 Какъ пятно въ игрѣ алмаза, — въ бѣломъ царствѣ лунныхъ
 позъ.
 Въ жуткомъ блескѣ преступленья былъ зловѣщій сумракъ
 морга,
 Былъ холодный ужасъ тлѣнья.
 Но отвлечь не могъ онъ глазъ
 Отъ воздушно-нѣжной темы, отъ ритмической поэмы,
 Гдѣ на оттискъ снѣжной геммы
 Падалъ высшаго восторга
 Неизвѣданный экстазъ...
 Пей, художникъ, нектаръ Креза,
 Не щади высокихъ чаръ,
 Если въ царствѣ неньюфаръ,
 Въ царствѣ линий, жестовъ, позъ —
 Ждетъ твой подвигъ мести желѣза,
 Мести жестоко-грубыхъ прозъ!

Чуть коснувшись складокъ газа,
 Гвоздь, какъ мечъ, торчалъ въ дырѣ, —
 И, казалось, кровь Дегаза
 Запеклась на остриѣ.

Владиміръ Винкертъ.

Рис. Миссъ.

Ф. К. СОЛОГУБЪ.

— О, Альдонса! Побудь здѣсь со мной подъ дубомъ, у лукоморья! Присядь, прекрасная. Теперь весна...
— А здѣсь чисто?! Вонъ бумажки какія-то валяются....
— Что ты! Эти бумажки сторублевья.

ИГОРЬ СЪВЕРЯНИНЪ.

— Ампула моднаго поэта требуетъ быть стильнымъ! Къ лѣтней парѣ, панамѣ и желтымъ башмакамъ не идутъ „Ананасы въ шампанскомъ“, придется ихъ замѣнить „Салатомъ въ молокѣ“. Терпѣть не могу весны.....

АПОЛЛОНЪ КОРИНФСКІЙ (поэтъ старой школы).

— Муза милая, что съ тобою?! Я ли тебя на зиму нафталиномъ не пересыпалъ, я ли твой костюмъ, что по рисунку Бодаревского сдѣланъ, — въ ломбардъ на зиму не снесъ?!
— Гы-гы!.. Встрѣтили меня какіе-то люди, избили, непристойно выругали... Надругались.....
— Въ участкѣ-то была?!
— Была... Смѣются: „Сами, — говорятъ, — виноваты, не ходите весной туда, гдѣ футуристы густо осѣль!“.

ЛУКОМОРЦЫ.

— Спасибо Суворину, ей-Богу! Теперь мы, вмѣсто музъ, можемъ провести весну съ „француженкой, дающей уроки только взрослымъ“. Слава Богу, въ одномъ и томъ же дѣлѣ работаемъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Газированный султанъ.

— Издохнуть можно, — какъ говорилъ одинъ дьяконъ, когда его, бывало, чѣмъ-нибудь насмѣшать:

Изъ Константинополя сообщаютъ, что постановленіемъ турецкаго совѣта министровъ къ титулу султана прибавленъ эпитетъ „гази“, т. е. побѣдитель.

Не въ одномъ только Петроградѣ дрова вздорожали... И въ Константинополѣ всякая дубина невѣроятнo въ цѣнѣ поднялась.

Положеніе нынѣшняго турецкаго султана, вообще, очень похоже на положеніе тѣхъ султановъ, которые торчатъ на лбу лошадей, запряженныхъ въ погребальныя дроги: въ какую сторону лошадь мотнетъ головой — въ ту же сторону и султанъ мотнется...

„Побѣдитель“.

Донесеніе Лимана фонъ-Сандерса этому несчастному султану о демонстративной высадкѣ англичанъ въ понедѣльникъ у Леникея, къ западу отъ Булаирскаго пролива, составлено въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

„На полуостровъ Галлиполи не ступить ни одинъ солдатъ союзной арміи. Если бы таковой и появился, то лишь въ качествѣ моего военноплѣннаго“.

А черезъ два дня англичане уже высадились на этотъ полуостровъ въ количествѣ свыше ста тысячъ.

Тутъ же и преподнесли министры султану титулъ непобѣдимаго „для того, чтобы, — какъ говоритъ турецкій историкъ, — заткнуть глотку этому дегенеративному старику“.

Нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и нѣтъ луновъ, кромѣ нѣмцевъ.

Двѣ категоріи ословъ.

По наивности турки напоминаютъ нашихъ институтокъ среднихъ классовъ:

Въ „Daily News“ сообщаютъ изъ Имброса, что въ одномъ мѣстѣ высадка союзныхъ войскъ была осуществлена съ помощью слѣдующей хитрости. Подъ прикрытіемъ артиллерійскаго огня съ военнаго судна на берегъ было высажено 1,000 ословъ съ поддѣльными деревянными горными пушками. Турки отправили туда сильный отрядъ въ 3000 солдатъ.

Итого, получилось въ этомъ мѣстѣ 4,000 ословъ. А пока эти двѣ партіи ословъ вступили между собой въ драку —

настоящій десантъ былъ легко высаженъ въ небольшомъ разстояніи, на другомъ мѣстѣ берега. Турецкій полкъ, атаковавшій ословъ, былъ уничтоженъ, при чемъ союзниками было взято въ плѣнъ болѣе 1,000 человекъ, въ томъ числѣ много германскихъ офицеровъ.

— Аллахъ! — говорили изумленные плѣнники. — Доннеръ-веттеръ! Какъ все это просто случилось! Кто бы могъ подумать...

Восточная мораль гласитъ: для того, чтобы быть осломъ, не обязательно имѣть четыре ноги и хвостъ...

Воспитанникъ.

„Петроградская Газета“ сообщаетъ:

„Въ Кіевѣ арестованъ знаменитый разбойникъ Кривуша.

Кривуша воспитывался въ семьѣ извѣстнаго издателя газ. „Колоколь“ В. М. Скворцова.

По этому поводу мы бесѣдовали съ воспитателемъ Кривуши В. М. Скворцовымъ.

— Да, дѣйствительно, Кривуша двадцать пять лѣтъ тому назадъ жилъ въ моей семьѣ, являясь моимъ воспитанникомъ.“

Теперь выясняется, что и воспитатель, и воспитанникъ оба плохо кончили: одинъ пошелъ въ разбойники, другой сталъ издавать газету „Колоколь“, которую никто читать не хочетъ.

Крѣпкая связь.

Германскія газеты измыслили новую формулу: „Англія — общій врагъ Франціи и Германіи“.

По этому поводу Леонъ Додэ возражаетъ нѣмцамъ:

„Англійская лояльность и французская лояльность заключили договоръ, который не будетъ нарушенъ. И всего сильнѣе дружба между французскими и британскими воинами на позиціяхъ.

Казалась неправдоподобной сначала возможность такого сотрудничества тысячъ людей, обозначающихъ пѣтушинный крикъ словомъ „кокерико“, и тысячъ, слышащихъ въ немъ: „кокадульду“; тысячъ людей, пьющихъ вино, и тысячъ людей, никогда не простуживающихся послѣ холодной ванны, и тысячъ, всегда получающихъ послѣ нея на сморкъ; тысячъ людей, являющихся къ 12-часовому поѣзду въ 59 минутъ двѣнадцатаго, и тысячъ, забирающихся на вокзалъ къ тому же поѣзду съ 11-ти часовъ; тысячъ людей, рѣжущихъ ножку цыпленка ножомъ и вилокъ, и тысячъ, обсасывающихъ ее до косточки; тысячъ людей, ѣдащихъ очень мало хлѣба, да и то разрѣзавъ его на тонкіе ломтики, и тысячъ, прямо пожирающихъ хлѣбъ; тысячъ людей, стыдящихся своихъ самыхъ естественныхъ переживаній, и тысячъ, гото-

выхъ въ любой моментъ съ восторгомъ опорожнить свою душу. Да, возможность ихъ сотрудничества и дружбы казалась неправдоподобной; но все сошло съ рукъ какъ нельзя болѣе гладко.

Дюманэ и Томми Аткинсъ побратались. Дюманэ безъ ножа рѣжетъ „Тиррегау“, а Томми Аткинсъ безъ ножа рѣжетъ „Марсельезу“. Дюманэ отдаетъ Томми свой хлѣбъ, а Томми угощаетъ Дюманэ присланнымъ изъ дому вареньемъ. Дюманэ, въ избыткѣ рвенія, даже пьетъ чай; а Томми Аткинсъ къ концу войны научится прекрасно разбираться между бургундскимъ и кларетомъ, — а это не такъ ужъ просто.“

Разница между французами и англичанами, дѣйствительно, велика; и разница между русскими и французами велика; и разница между русскими и англичанами велика...

А между австрійцами и германцами нѣтъ такой разницы: оба не прочь украсть, оба не прочь прикончить раненаго, оба не прочь соврать о своей побѣдѣ.

И удивительнѣе всего, что побѣдятъ не эти двѣ спѣвшихся націи, а тѣ, различныя по характеру, о которыхъ говорилось выше...

Новая опасность.

На одномъ изъ самыхъ фешенебельныхъ нѣмецкихъ курортовъ — Сильтъ, находящемся на Сѣверномъ морѣ, расклеены слѣдующія официальные объявленія:

„Сооруженіе замковъ на берегу разрѣшается только на западной сторонѣ острова, украшеніе же ихъ флагами воспрещается вовсе“.

Русскому читателю нужно пояснить это серьезное предостереженіе: рѣчь идетъ о сооруженіи замковъ дѣтьми... изъ песка!

(„Биржев. Вѣд.“)

Какими флагами воспрещаетъ администрація украшать дѣтскіе замки?

Очевидно, — бѣлыми.

И дѣйствительно: вѣдь этакъ можно и войну проиграть.

ВЪ СТАРОМЪ ДОМѢ.

Жиль въ старомъ домѣ поэтъ,
Онъ прошлаго понималъ рѣчи,
Носилъ необъятный пледъ,
По вечерамъ зажигалъ свѣчи...

И былъ онъ жизни далекъ,
И жизнь творилъ на бумагѣ,
А котъ мурлыкалъ у его ногъ
Чудесныя кошачьи саги...

Прилежно бѣгало перо,
Ажурныя сплетая сѣти,
На каминныхъ часахъ Пьерро
Объяснялся въ любви Пьерреттѣ...

Стрѣлки обѣгали циферблатъ
Все по тому и одному же кругу,
Встрѣчая лѣтній закатъ
И провожая зимнюю вьюгу...

За окномъ жизни гонцы,
Далекіе красотѣ книжной,
Уже смѣнили на торцы
Мостовой камень булыжный.

Дома въ семиэтажный ростъ
Глядѣли сквозь облака пыли,
Какъ со скоростью почти ста верстъ
Мчатся по улицамъ автомобили.

И, казалось, небо хотѣли сжечь
Молніи электрическаго свѣта,
Такъ не похожія на пламя свѣчъ
Въ комнатахъ стараго поэта...

И однажды умеръ поэтъ,
Разбирая любимые фоліанты...
Шли родственники за гробомъ вслѣдъ,
Дамы траурныя нацѣпили банты.

Старый хозяинъ — вдали.
Комнаты неуютны и пусты...

И вотъ монтеры пришли
Привѣшивать электрическія люстры...
Электрическій засіялъ свѣтъ
Остро, холодно и безстрастно,
Тѣни къ стѣнамъ на безконечность лѣтъ
Приковавъ жестоко и властно...

Развлекая барышень и дамъ,
Граммофонъ уже распѣвалъ куплеты,
А хозяинъ рассказывалъ гостямъ,
Какой забавный народъ — поэты...

Валентинъ Горянский.

БѢДНЫЙ ПАЛЪ ПАЛЫЧЪ.

(Октавы.)

I.

Въ театрѣ вы не разъ Палъ Палыча встрѣчали:
 Нахохлившись, сидитъ въ тринадцатомъ ряду;
 На сцену смотритъ онъ почти всегда въ печали...
 Пусть зрители кругомъ въ смятеньи, какъ въ чаду, —
 Палъ Палыча игрой смутитъ актеръ едва ли! —
 На сценѣ любить онъ внезапную бѣду:
 Чтобъ отклеился, ждетъ (отъ нѣжностей далекъ онъ!),
 У лицедѣя усъ иль у актрисы локоны!..

II.

«Игра» ему скучна; онъ замѣчаетъ лишь
 На сценѣ промахи, ошибки, оговорки!
 И въ мигъ, когда весь залъ вдругъ погрузится въ тишь,
 Когда театръ замретъ, — отъ креселъ до галерки, —
 Палъ Палычъ шепчетъ: — Нѣтъ, голубчикъ мой, шалишь!
 Эхъ, публика слѣпа; а Палъ-то Палычъ — зоркій:
 Межъ актами двумя семь лѣтъ проходить, — такъ?
 Ну, можно ль столько лѣтъ носить... одинъ пиджакъ?!

III.

Когда на сценѣ — пиръ, и всѣ актеры — пьяны,
 И таинствомъ игры ихъ сердце зажжено;
 Когда актеръ твердитъ про токъ благоуханный,
 Всѣхъ окрыляющей и тѣшащей равно, —
 Палъ Палычу видны — порожніе стаканы,
 И знаетъ онъ, что въ нихъ — вода, а не вино!
 И вызываетъ пусть актеровъ зритель пылкой, —
 Палъ Палычъ вспомнить радъ: — Пьютъ изъ пвстой бутылки!

IV.

Какъ видите, его кругъ интересовъ — малъ;
 Къ прекрасному любви нѣтъ у него въ поминѣ!
 Театръ не цѣнитъ онъ, хоть онъ и театралъ,
 Но все жъ идетъ туда, — вотъ по какой причинѣ:
 Слѣдить, чтобы актеръ безъ шляпы не удралъ,
 Оставивши ее, бѣдняжку, на каминѣ,
 И чтобы... обѣдъ «варить»!.. Ну, что жъ... Палъ Палычъ
 старъ!..
 Въ театрѣ онъ не такъ свой чувствуетъ катаръ!..

V.

Отъ несваренія спасаяся желудка, —
 За тѣмъ, какъ дѣлаетъ оплошности актеръ,
 Безъ усталы слѣдить Палъ Палычъ бѣдный чутко!..
 Но если гладко все, — его тускнѣетъ взоръ,
 Желудокъ не варить, а это вѣдь не шутка!..
 Брюзжитъ Палъ Палычъ мой, уму наперекоръ:
 — Весь вечеръ — ни сучка! Сидѣлъ какъ сивый меринъ!
 Разъ вечеръ безъ сучка, — онъ для меня потерянь!
 Михаилъ Пустынинъ.

ПОШЛЫЙ ФЕЛЬЕТОНЪ.

Не въ первый разъ въ суровой жизни, влекущей медленно
 ко дну, статью о злой дороговизнѣ, какъ нитку грязную, тяну.
 Когда въ провинці болотной мой трехрублевый фельетонъ
 пускалъ редакторъ неохотно и говорилъ, повисивъ тонъ:

«Опять свою литературу... Андреевъ... Горькій...
 Бальмонтъ... Блокъ... Ишь, распустилъ фюритуру на девя-
 носто сладкихъ строкъ... Ни мостовой и ни управы, а
 такъ, одна галиматья!» Былъ судъ хоть скорый, но неправый,
 и гибла бѣдная статья. «Вотъ распустилъ мышлений нити...
 Подумать — польза есть отъ нихъ?! О цѣнахъ, батенька, пи-
 шите, о злодѣяннѣхъ въ мясныхъ!..»

И я писалъ... По двѣ копейки за широченную строку,
 изъ фельетонной нудной лейки я лилъ зеленую тоску. Пи-
 салъ о пасмурной погодѣ, о мостовыхъ, водопроводѣ, о думѣ,
 каменныхъ сердцахъ, о спящихъ городскихъ отцахъ, зубами
 злобно скрежеталъ, краснѣлъ — и все-таки писалъ...

Какъ я писалъ!.. Недѣли на три я былъ героемъ мѣст-
 ныхъ дамъ. Со мной знакомились въ театрѣ, меня таскали
 по домамъ... Меня носили на рукахъ: вѣдь я писалъ о мяс-
 никахъ...

Теперь опять у стараго корыта; литература временно за-
 бита — пусть будетъ только кратокъ этотъ мигъ. Пишу о
 томъ, что всѣхъ теперь тревожитъ, и пусть проститъ — кто
 чуткимъ быть не сможетъ: опять къ тебѣ, мой дорогой
 мясникъ!..

* * *

Вмѣсто перваго, дали второе.
 Посмотрѣлъ, плюнулъ и всталъ.
 Настроение было такое,
 Что хотѣлось устроить скандалъ.

Жена смотрѣла сурово,
 Какъ музейный сухой истуканъ,
 Сорвалось было бранное слово,
 Но пошелъ въ ресторанъ.

Тамъ такое же тихое чудо,
 Только чудо случилось скорѣй:
 Принесли какъ первое блюдо —
 Съ помидорнымъ пюрэ сельдерей.

Дикій взглядъ, какъ индѣйское лассо,
 Кинулъ я на меню.
 — Гдѣ же мясо? — Простите, нѣтъ мяса...
 Горе, горе несчастному дню...

* * *

Грустно плакалъ, извинялся, скорбнымъ тономъ объяс-
 нялся, что-то тихо обѣщался, — не повѣрила жена. Я мер-
 завецъ и нечестень, чѣмъ знакомымъ всѣмъ извѣстенъ;
 тонъ ея былъ такъ нелестень, но, увы, права она...

Теперь я буду на чеку, разъ кризисъ рыночный мнѣ вѣ-
 домъ, не буду больше за обѣдомъ ни ругаться, ни грозиться:
 завтра утромъ къ мяснику самъ схожу, чтобы убѣдиться...

* * *

Городъ спалъ... На утреннемъ разсвѣтѣ
 Сыпалъ дождикъ мелкою крупой.
 Шли мужчины, женщины и дѣти
 Безконечной, медленной толпой.

Волокли тяжелыя корзины. —
Сколько лицъ знакомыхъ и родныхъ!
Вотъ ан'фасъ кухарки нашей Зины,
Вотъ фигурки жениныхъ портнихъ.

Вотъ сосѣдъ по прошлогодней дачѣ,
Вотъ знакомый модернистъ-осель...
Не могло случиться здѣсь иначе:
Я слился со всѣми и пошелъ.

Словно раса шла къ враждебной расѣ,
Услыхавъ извѣстия о войнѣ.
Говорили шопотомъ о мясѣ
И о гнусно-взвинченной цѣнѣ.

* * *

Кто-то стонетъ, кто-то плачетъ, кто-то молить и гро-
зить, кто-то съ окорокомъ скачетъ, вьется пыль изъ-подъ
копытъ. Крѣпость, замокъ или лавка — все равно, на при-
ступѣ марш! Писки, крики, визги, давка, всѣ смѣшались въ
дикій фаршъ. Кто-то рѣжетъ, кто-то давитъ, каждый стра-
хомъ подогрѣтъ: кто ворвется, не оставитъ на пятокъ су-
хихъ котлетъ...

У прилавка самъ хозяинъ серебро гребетъ съ плеча, по
улыбкѣ будто Каинъ, а наружность палача... Безотраденъ,
безобразенъ и топоръ въ одной рукѣ.

— Что я вижу?! Стенка Разины! —

Прошепталъ я въ уголкѣ...

Пусть не выпался за нѣчь я, пусть изломаны бока, но
пальто... такіе ключья не утѣшаютъ бѣдняка. Упаду на пол-
дорогѣ весь оборванный, хромой: два часа давили ноги, изо-
рвали галстукъ мой... Больше воздуха и свѣта!!

Скорой помощи карета, отвези меня домой!.

* * *

У зелени особенное свойство:
Она вкусна, нѣжна и дешева...
Ахъ, аскетизмъ — вотъ высшее геройство:
Не покупаю мясо и дрова.

Пусть ропщеть плоть, но духъ мой веселится,
Желудокъ пусть, въ душѣ огонь горитъ:
Вчера, въ тоскѣ, надѣлъ я власяницу,
Ѣлъ дикій медъ и нѣсколько акриды.

Лишь изрѣдка мечту свою волную,
Въ глухой тиши на ламповомъ огнѣ
Копчу морковь и, медленно смакуя,
Сѣдаю всю, шепча: — О, горе мнѣ...

Порой, какъ схимникъ въ тѣсной кельѣ
Красиво грезить о веснѣ,
Мечтаю: ласковой женѣ
Куплю изъ мяса ожерелье,
Жена, съ такой же милой цѣлью,
Изъ дровъ колечко купить мнѣ...

* * *

Нападайте же всѣ на собрата, что упалъ на газетное дно,
пусть скорѣе приходитъ расплата ото всѣхъ заодно. Въ
этомъ шумѣ событий и жизни, каждый мигъ гдѣ звучитъ какъ
металлъ, взявъ пошлякъ и — о дороговизнѣ фельетонъ напи-
салъ... Что жъ, ругайте, браните, казните — врядъ ли
этимъ меня удивите...

Но, когда за семейнымъ столомъ васъ охватитъ унылая
скука, а жена назоветъ васъ осломъ за отказъ ѣсть жаркое
изъ лука, — хоть въ теченіе этого дня, другъ мой, вспомните
вы и меня...

Арк. Буховъ.

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Ничто не прогоняетъ такъ скуки и сплина, какъ отвѣты чита-
тельницамъ въ „Журналъ для женщинъ“.

Отвѣты даетъ Принцесса Грѣза. Судя по смыслу отвѣтовъ, ти-
туль свой она имѣетъ право носить съ честью.

Вотъ ея отвѣтъ столь же титулованной читательницѣ — „Царицѣ
Астисѣ“:

„Умоляю васъ, не пишите ни единой строчки этому человѣку.
Мужчина, который носитъ несвѣжее бѣлье, эксцентричную обувь,
объясняется въ любви въ первое же свиданіе, ничего не можетъ
дать вамъ, кромѣ получаса животнаго забытья, — меньше всего
герой романа для такой женщины, какъ вы. Васъ буквально за-
грызетъ раскаяніе. Вы будете долго чувствовать себя такъ, какъ
если-бы запачкались во что-нибудь липкое и грязное... Онъ вамъ
написалъ — „чудное“ письмо. Это еще не доказательство. Будьте
трезвые. Вы уже замѣтили его — „несвѣжее“ бѣлье. Замѣтите
еще двусмысленность его поведенія. Тогда вы изльчитесь.“

Бѣдная „Царица Астисѣ“! Судьба ея схожа съ тѣмъ королемъ, ко-
торый искалъ сорочку счастливца, да такъ и не нашелъ ея, потому
что счастивецъ былъ безъ сорочки... У счастливца, котораго пода-
рила любовью „царица Астисѣ“, правда, была сорочка, но она оказа-
лась грязной.

Поистинѣ, ни одинъ романистъ не предусмотрѣлъ еще такого
мотива разрыва двухъ любящихъ сердецъ: несвѣжее бѣлье и эксцен-
тричная обувь.

Принцесса Грѣза стоитъ, вообще, за чистоту нравовъ и даже
задаетъ солидную головомойку легкомысленной „Царицѣ Астисѣ“:

„Я всегда удивляюсь такимъ двушкамъ, какъ вы. Откуда
такая торопливость? Подайте сейчасъ же любовь, а не годомъ
позже или двумя. Любовь явится, когда вы ее не ожидаете. Какъ
татъ въ ночи. Никогда нельзя призвать ее насильно. Извѣстная
сдержанность съ мужчинами только хорошее и рѣдкое теперь
искусство.“

Попадаетъ отъ Принцессы и простой, нетитулованной подпис-
чицѣ № 7:

„Все это у васъ такъ несерьезно!.. Просто досада возьметъ.
Къ мужчинамъ вы равнодушны — но цѣлуетесь съ нимъ и хотите
ему писать. Къ другому мужчинамъ тоже ничего не чувствуете, —
а вертите (?) ему голову. Для чего? Зачѣмъ? Подумали
ли вы обо всемъ этомъ? За васъ обидно. Только унижаете себя
безцѣльно.“

Дѣйствительно. Если унижать себя, такъ ужъ съ опредѣленной
цѣлью.

Но Принцесса не только казнитъ, — она и милуетъ. Правда, фан-
тазія у нея не ахти какая:

„... Подарите ему красивый бумажникъ съ монограммой.“

Неизвѣстно, о чемъ спросила принцессу Грѣзу „Провинціалка А. Б.“,
но въ отвѣтъ эта бѣдная провинціалка получила энергичный совѣтъ:

„Спросите объ этомъ вашу мать.“

Неужели принцесса Грѣза была запрошена объ аистахъ?..

* * *

Г. Заринъ въ своемъ романѣ („Петрогр. Газета“) открываетъ
удивительные контрасты въ женскомъ сложеніи:

„Васса Ипполитовна тяжело вздохнула и задумчиво вышла
изъ комнаты. Надо было спасать свою честь, — и она прижала
костлявыя руки къ своей полной груди.“

Грудь полная, руки костлявыя... Сразу видно, что героиня со-
брана изъ разныхъ кусочковъ...

* * *

Въ той же газетѣ напечатана шарада, которая по своему изяще-
ству и смыслу смѣло можетъ занять мѣсто въ любой хрестоматіи:

„Шарада.“

1. Тревожно на разсвѣтъ —
Нарушить тишину;
Охъ, ужъ австрійцы эти!
Хранятъ все старину...
2. Скорѣе же, чѣмъ это,
Въ немъ слышится намъ „моль“:
Пріятная примѣта —
Предчувствуетъ врагъ боль...
И удираетъ быстро
Отъ нашихъ молодцовъ —
Будь это сынъ министра
Иль плоть другихъ отцовъ.“

Бываютъ „двуногія безъ перьевъ“. Авторъ этой стихотворной
шарады — двуногое съ перомъ, и это грустно. Такимъ нельзя
давать перьевъ въ руки...

ВЪ БЕРЛИНѢ.

Стокгольмскій корреспондентъ: — Скажите, чѣмъ же
вы, нѣмцы, питаетесь?

— Плохо питаемся: хлѣба нѣтъ, пива нѣтъ, мяса нѣтъ...
На одной водѣ сидимъ.

— Ага! Теперь я понимаю, что хотѣлъ сказать Виль-
гельмъ своей фразой: „Будущее Германіи на водѣ“!..

НѢМЕЦКІЯ УТКИ.

„По нѣмецкимъ источникамъ, Альбертъ Бельгійскій былъ убитъ 21 разъ, Георгъ, король Англій — 3 раза, принцъ Уэльскій — 11, Жоффръ — 9 и т. д.“

Что у нѣмца нѣту снѣди, —
Мірѣ давно ужъ извѣщенъ,
Но, стремясь душой къ побѣдѣ,
Храбрый нѣмецъ не смущенъ:
«Голодать? Сдаваться? — Дудки!
Ныть о мирѣ? — Никогда!
До послѣдней дикой утки
Будемъ биться, господа!»
Славно бриттовъ поднадули
Пруссаки, — одинъ восторгъ!
Отъ нѣмецкой мѣткой пули
Погибалъ разъ пять Георгъ.
Вслѣдъ за нимъ, рукой злодѣйской,
Въ зломъ бою у Невъ-Шапелль
Пораженъ былъ принцъ Уэльскій
И въ теченье двухъ недѣль
Воскресалъ, чтобъ послѣ снова,
Насладившись жизнью всласть,
Отъ удара рокового,
Обливаясь кровью, пасть.
Храбрый Жоффръ, французскій геній,
Напоролся на фугасъ,
А потомъ отъ покушеній
Погибалъ безъ счету разъ.
Но рекордъ побилъ, мы знаемъ,
Вождь бельгійцевъ: 20 разъ
Былъ онъ нѣмцемъ убиваемъ
Въ двадцати мѣстахъ за разъ.
Наконецъ (коль слухъ не вздоренъ)
Въ Петроградѣ вечеркомъ
Съѣденъ былъ Борисъ Суворинъ
Мясниками цѣликомъ.
А въ извѣстномъ переулкѣ
В. Буренинъ (вотъ такъ такъ!)
Былъ искусанъ на прогулкѣ
Сворой бѣшенныхъ собакъ.
(Впрочемъ, это скрыто въ мракѣ,
И въ народѣ слухъ идетъ,
Что не критика собаки,
А... совсѣмъ наоборотъ!)

Что у нѣмца нѣту мѣди, —
Безусловно знаетъ всякъ,
Но, стремясь душой къ побѣдѣ,
Не смущенъ отважный врагъ:
«Къ чорту жалкія кастрюли!
Что въ нихъ пользы? Ерунда!
Отливайте лучше пули
По газетамъ, господа!»

Джо.

ИСПОВѢДЬ.

... Не скрою: я былъ тронутъ. Очень тронутъ ея любовью, ея вниманіемъ, такъ наивно выраженными въ этомъ подаркѣ: кожаномъ кошелькѣ съ серебряной монограммой изъ инициаловъ моего имени.

Я заглянулъ во всѣ отдѣленія кошелька, повертѣлъ его въ рукахъ и переложилъ въ него деньги изъ стараго.

Потомъ пошелъ, купилъ десятокъ красныхъ розъ и послалъ ей.

— Тоже фантазія: чего она потратилась... Лишила себя, быть можетъ, чего-нибудь нужнаго... А скажи ей — обидится!..

Я вынулъ кошелекъ, поглядѣлъ на него и осторожно, словно онъ жегъ мнѣ руки, опустилъ его въ карманъ; потомъ зашелъ въ магазинъ.

— Покажите, пожалуйста, ридикюль!.. И монограммы! Выбралъ изящный ридикюль и велѣлъ послать по ея адресу.

— Вотъ смѣшная: подарки!.. Къ чему это?.. Отъ женщины подарковъ я не признаю... а скажи ей — ударится въ слезы...

... Постоялъ на углу, поковырялъ тросточкой тротуаръ и зашелъ во фруктовый магазинъ.

— Этихъ грушъ... десяточекъ... Хорошо и яблоки... Тоже... Два фунта «дамскихъ пальчиковъ»... Мармеладъ?.. Положите... Финики свѣжіе?.. Одну... Да, да, послать!.. Дайте карандашикъ...

... Шелъ по улицѣ и думалъ:

— Чтобы сдѣлать этотъ подарокъ, ей пришлось цѣлый день сидѣть въ конторѣ за корреспонденціей... Чортъ возьми, неприятно!

Я пошелъ и купилъ намъ, — мнѣ и ей, — билеты на концертъ.

... Сидѣлъ на извозчикѣ и думалъ:

— Не носить кошелька — она замѣтитъ и будетъ огорчена... Носить — каждый разъ, когда выну при ней кошелекъ, знаю, буду испытывать какую-то неловкость, но она будетъ довольна... Что дѣлать?!

... Сегодня съ аукціона продали все мое движимое имущество...

И кто могъ думать, что кошелекъ, самой природой предназначенный къ храненію денегъ, могъ довести меня до векселей, суда, судебнаго пристава, а мое имущество — до молотка?!

Исидоръ Гуревичъ.

НАША ПРЕССА.

(Букетъ присловокъ.)

I.

«День», «Рѣчь».

«Кому пироги
Да пышки,
А намъ — желваки
Да шишки».

II.

«Курьеръ».

«Не суйся въ волки,
Коль хвостъ телкинъ».

III.

Веч. «Бирж.».

«И швецъ,
И жнецъ,
И въ дуду игрецъ».

«Хоть и сзади,
Да въ стадѣ».

IV.

«Петр. Газета».

«Съ пушкомъ,
Съ душкомъ
И носъ на вздержкѣ».

V.

«Листокъ».

«Кому до чего,
А кумѣ — до всего».

VI.

«Голось Руси».

«Ума палата,
Да... разума маловато».

«Ино скокомъ,
Ино бокомъ,
Ино ползкомъ».

«Лучше не бай,
Глазами мигай:
Будто смыслишь».

VII.

«Веч. Время».

«Русскій нѣмцу
Задасть перцу.
А нашъ пострѣлъ
И тутъ поспѣлъ».

VIII.

«Нов. Время».

«Кабы я вѣдалъ,
Съ кѣмъ ты нынче обѣдалъ,
Такъ зналъ бы, чью пѣсню поешь».

«Скачи, враже,
Якъ панъ каже».

IX.

«Колоколъ».

«Безъ Бога —
Ни до порога;

Богъ-то Богъ,
Да и самъ не будь плохъ».

«Попъ каетъ,
А глазомъ мигаетъ».

X.

«Земщина».

«Кадъкъ —
Не великъ,
А реву много».

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Составилъ Вас. Князевъ.

ГАЛАНТНЫЙ КОМПЛИМЕНТЪ.

— О милая барышня! Вы такъ нѣжно дѣлаете мнѣ своими ручками маникюръ, что я будто бы пальцемъ въ небо попалъ.

Рис. Миусъ.

ЦАРИЦА МОДА.

— Послушай, а твой мужъ все попрежнему увлекается прошлогодней блондинкой?..

— Увы! Къ сожалѣнiю...

— Милая, но вѣдь это не модно — носить прошлогоднiе рога. Къ весеннему сезону ты могла бы имѣть что-нибудь новенькое.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

(Непринятая рукопись не возвращается по почтѣ, даже при условiи присылки марокъ.)

Редакцiя не принимаетъ на себя обязательства давать письменные отвѣты на запросы случайныхъ сотрудниковъ. Рукописи, не востребованныя въ теченiе 3-хъ мѣс., уничтожаются.)

А. Петроградъ.

Степану Иванову. — Не подошло.

В. О. 10 линiя Григорiю Иванову. — ...Полная иллюзиа стихотворнаго произведенiя:

„Я цѣловаль ея уста
И думаль о своемъ лишь счастьи,
Я позабыль, что у поста
Поставленъ мановенiемъ власти.“

Судя по послѣднимъ двумъ строкамъ, авторъ — городской. Не надо разбрасываться.

Е. Розанову. — Не подошло.

Господину Ц. Полюбуйтесь сами — что вы написали:

„Дѣва за лобъ подняла пятикрючья —
Бѣлыя руки, какъ бѣдныя сучья.
Младцевъ отплыли прозарныя лица.
Старцевъ, псоликихъ — прошла костьлица.“

Видимъ, что вы еще молодецъ, и надѣмся, что ваше прозарное лицо вспыхнетъ краскою стыда. Неужели ваша голова не понимала того, что написали ваши, какъ вы говорите, пятикрючья?

И дальше:

„Обратились къ Ваалу
Мы съ горячею мольбой,
И послышался во храмѣ
Объ полъ крѣпкой лобобой“.

Судя по стихотворнымъ результатамъ, вы были, очевидно, самымъ усерднымъ изъ этихъ молельщиковъ...

Б. Москва.

К. П. А., А. З. — Къ сожалѣнiю, слабо.

В. Провинцiя.

Варшава. — А. Г..у, Ташкентъ — Конону, Долину, Казань — Автору „Дуба и Оръшника“.

Все присланное, къ сожалѣнiю, не подошло...

И. И. Сук'инсину. — Ознакомившись съ псевдонимомъ, произведенiе не читали. Кого удивить хотите?

Кременчугъ. — Сычнотому. „Гонораръ“, даже самый солидный, пишется черезъ одно „р“.

А тѣмъ болѣе, когда никакого не предвидится.

Керчь. — Пузыреву. „Шарманка, крутимая своимъ владельцемъ — заиграла“.

Мы предпочитаемъ шарманку, имѣющую быть крученой, но еще не крутимую.

Съ такимъ стилемъ не пропадете.

Н. Д.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

ЖЕЛАЮТЪ КУПИТЬ

комплекты
журнала „САТИРИКОНЪ“
за 1908, 1909, 1910, 1911, 1912 годы.

Предложенiе адресовать.

ПЕТРОГРАДЪ, Итальянская ул., д. № 5.
А. РАДАКОВУ.

⇒ ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ⇒
ВЫДЕТЬ ВЪ СВѢТЪ

==== новая книга: ====

ТЭФФИ

НИЧЕГО ПОДОБНАГО

3-й годъ изданiя.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

на еженедѣльный журналъ САТИРЫ И ЮМОРА

3-й годъ изданiя.

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМII

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“

3 ЦѢННЫХЪ ПРЕМII

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. Съ пересылкой и доставкой 6 руб. 50 к., на полгода 3 руб. 25 к., на 3 мѣс. 1 руб. 75 коп., на 1 мѣс. 60 коп.

Адресъ конторы и редакцiи: Петроградъ, Невскiй, 88. Телефонъ № 59-07.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.
Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Комфортабельные кабинеты.
Ресторанъ открытъ до 2 час. ночи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

Петроградъ, Невскій пр., 88. — Телефонъ 59-07.

Выписывающіе со склада издательства за пересылку не платятъ. Суммы до 10 руб. можно высылать марками почтовыми и гербовыми.

<p>ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 16-е изданіе книги: АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „КРУГИ ПО ВОДѢ“. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>	<p>ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ новая книга: ТЭФФИ. „ДЫМЪ БЕЗЪ ОГНЯ“. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>
<p>ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 7-ое изданіе книги: АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „О хорошихъ въ сущности людяхъ“. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>	<p>ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЪ ВЪ СВѢТЪ новая книга: ТЭФФИ. „НИЧЕГО ПОДОБНАГО“. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>
<p>ПЕЧАТАЕТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДЕТЪ 7-е изданіе книги: АРКАДІЙ АВЕРЧЕНКО. „ЧЕРНЫМЪ ПО БѢЛОМУ“. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>	<p>ПЕЧАТАЮТСЯ И ВЪ СКОРОМЪ ВРЕМЕНИ ВЫЙДУТЪ ВЪ СВѢТЪ КНИГИ: ТЭФФИ. „И СТАЛО ТАКЪ“. — и — „КАРУСЕЛЬ“. Цѣна каждой книги 1 р. 25 к.</p>
<p>ВЫШЛО ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ 2-е изданіе книги: ВЛАДИМИРЪ ВОИНОВЪ. „СОЛНЕЧНЫЕ РАЗСКАЗЫ“. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>	<p>ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА: ИСИДОРЪ ГУРЕВИЧЪ. „СИГНАЛЬНАЯ РАКЕТЫ“. Цѣна 1 руб. 25 коп.</p>
<p>ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА: ЕВГЕНІЙ ВЪНСКІЙ. „О нѣмцахъ, извините за выраженіе“. САТИРА и ЮМОРЪ. Цѣна 50 коп. Роскошное изданіе Н. А. Сенкевича, дальняго родственника знаменитаго польскаго романиста Генр. Сенкевича, автора „Quo Vadis“, „Потопъ“, „Семья Поланецкихъ“ и пр.</p>	<p>ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА: АРКАДІЙ БУХОВЪ. „ТИХІЯ НЕПРІЯТНОСТИ“. ЮМОРИСТИЧЕСКІЕ РАЗСКАЗЫ. Цѣна 1 р. 25 к. Изданіе М. В. ПОПОВА, Петроградъ, Невскій проспектъ, д. № 66. Можно выписывать изъ конторы „Нов. Сатирикона“, Невскій, 88.</p>

САМОУЧИТЕЛЬНІЕ РЕМЕСЛА съ рисунками

Бочарнаго — 40 к. Багетнаго — 30 к. Булочнаго — 35 к. Выжиганія — 40 к. Выпиливанія — 30 к. Женск. рукодѣл. — 30 к. Жестяного — 40 к. Зеркальнаго — 30 к. Золоченія и серебренія по дереву и металлу — 30 к. Корзиночнаго — 30 к. Кузнечнаго — 30 к. Кровельнаго — 30 к. Выдѣлка лаковъ — 30 к. Луженіе и паяніе — 30 к. Малярное — 30 к. Мыловаренія — 30 к. Обойщикъ — 30 к. Переплетчикъ — 30 к. Печникъ — 40 к. Плотникъ — 30 к. Полировка и лакировка — 50 к. Починка галошъ и шинъ — 30 к. Протравы дерева подъ орѣхъ, дубъ и друг. — 50 к. Рѣзчикъ — 30 к. Сапожникъ — 50 к. Слесарь — 40 к. Столяръ — 50 к. Тельжно-колесное — 40 к. Токаръ по металлу — 50 к. Часовщикъ — 50 к. Чемоданчикъ — 40 к. Чучельное — 40 к. Шорно-сѣдельное — 30 к. Каучук. штемпл. — 40 к. Штукатуръ — 30 к. Перчаточникъ — 40 к.

Пересылка 1 кн. — 18 к., 2 кн. — 22 к., 3 кн. — 26 к., 4 кн. — 30 к., 5 кн. — 34 к., нал. плат. на 10 к. дорожк. При заказѣ на 3 руб. и пересылка беспла. Подлѣй каталогъ высылается даромъ.

Высылаетъ Техническій книжный складъ **М. ПЕТРОВА**
Петроградъ, Б. Подъячская ул., 10. Москва, Тверская, 13, кв. 13

! ОСТЕРЕГАТЬСЯ ПОДДѢЛОКЪ !

ПРОВИЗОРА
Г. Ф. ЮРГЕНСЪ
БОРНО-ТИМОЛОВОЕ МЫЛО

отъ ПОТА, ЗАГАРА, ВЕСНУШЕКЪ,
УГРЕЙ, ПРЫЩЕЙ и ЖЕЛТЫХЪ
ПЯТЕНЪ.

БЛАГОВОННОЕ ТУАЛЕТНОЕ МЫЛО
ВЫСШАГО ДОСТОИНСТВА

ПРОДАЕТСЯ ВЕЗДѢ
1/кус. 50 к. 1/2кус. 30 к.

Золотая медаль — Лондонъ, 1893 г.

Главный складъ у Г. Ф. Юргенсъ, Москва.

№ 1004

Ленинградский
Магазин
Р. № 1004/1114

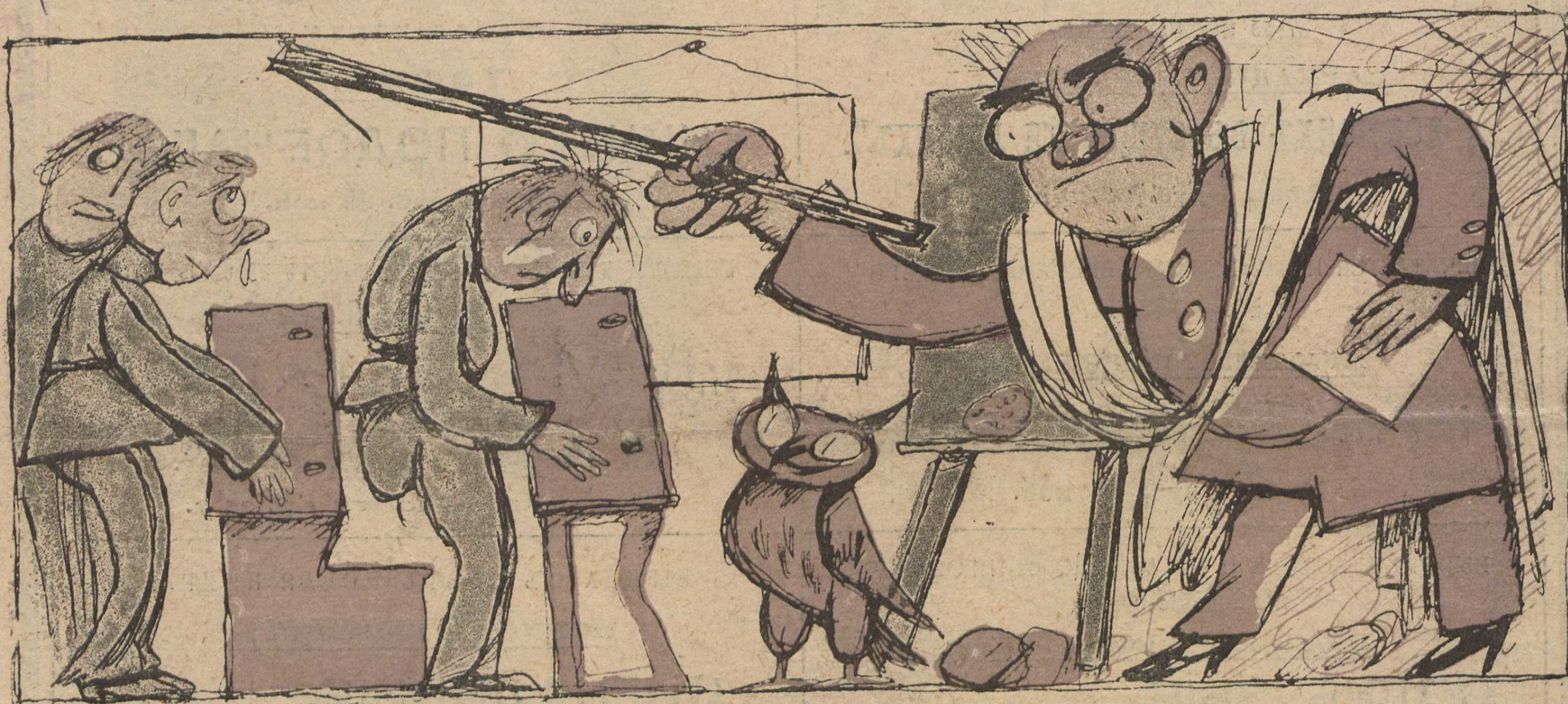
РЕФОРМА СРЕДНЕЙ ШКОЛЫ.

Рис. А. Радакова.

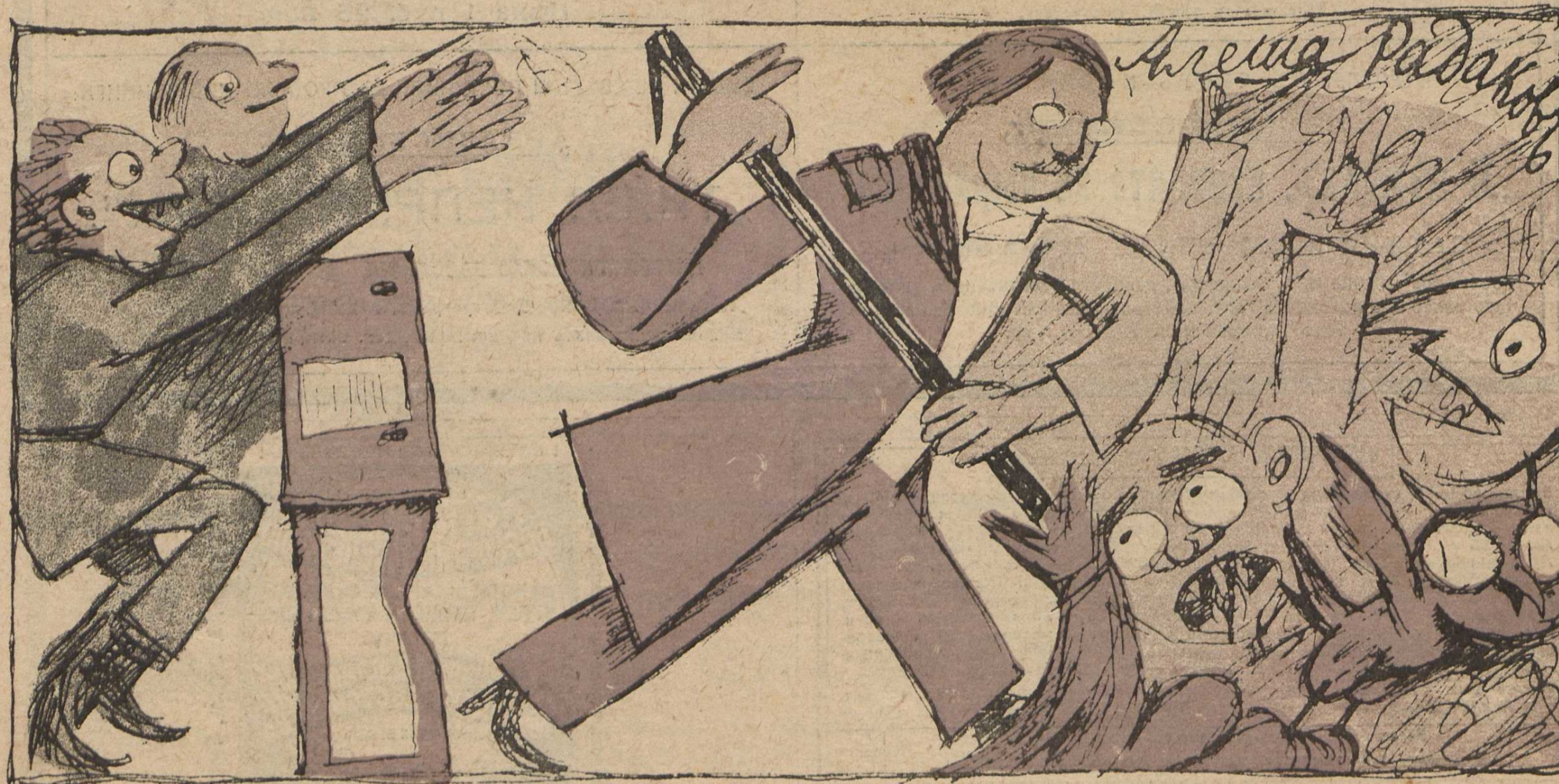

Было такъ.

2
1004/986

Было и такъ.

А теперь додумались до болѣе простой вещи: надѣли розги на палку и, соорудивъ изъ этого метлу, просто выметутъ весь соръ и труху прошлыхъ лѣтъ.